

Шеманский Анатолий Владимирович

**Историко-бытовой музей XVIII в.
в Петергофе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А64

А64 **Анатолий Владимирович Ш.**
Историко-бытовой музей XVIII в. в Петергофе / Шеманский Анатолий Владимирович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 104 с.

ISBN 978-5-521-30959-7

ISBN 978-5-521-30959-7

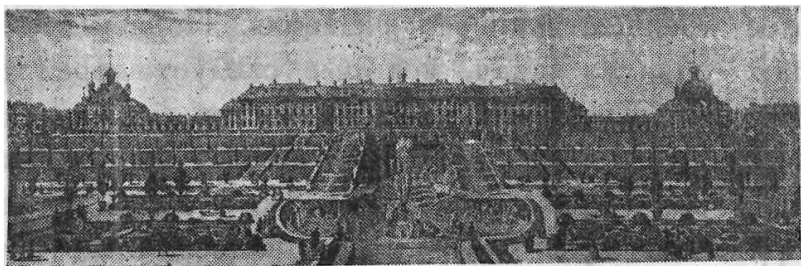
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество“.

ЛЕНИН

изд. 3-е, т. XXV, стр. 388

Историческое просвещение масс входит в задачи культурной революции. Знание прошлого, которому рабочий класс противопоставляет великие завоевания Октября, облегчает сознательное строительство новой жизни, новой пролетарской культуры. „Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества“ (Ленин, изд. 3-е, т. XXV, стр. 387).

В истории нашей страны, ставшей первым отечеством международного пролетариата, 1917 год ознаменовал гигантский переход от полуфеодальной царской России к социалистической революции. Буржуазная революция оказалась только трамплином, толкнувшим страну к революции пролетарской, и Россия в своем политическом развитии догнала и перегнала „передовые“ капиталистические страны. Но исторический процесс закономерен и не знает случайностей; быстрый темп революционизирования России был подготовлен некоторым своеобразием

всего ее предшествующего развития. Понять это своеобразие — одна из задач, которые следует перед собой ставить, изучая историю царской России.

Изучать прошлое помогают не только лекция и книга: огромную роль играет массовая экскурсионная работа в исторических музеях. Среди них видное место принадлежит бывшим царским дворцам, превращенным революцией в музеи истории царской России. Не напрасно каждое лето сотни тысяч трудящихся из Ленинграда и со всех концов Союза осуществляют культпоходы в музейный Петергоф. Они получают здесь наглядные уроки истории, укрепляющие их классовое самосознание и расширяющие их политический кругозор. Эти уроки полезны нам, а еще больше нашей смене, знающей дореволюционную жизнь только со слов. Плохо, если комсомольцу крепостная Россия представляется легендой, а носители дворянской власти полумифическими существами. Плохо потому, что историческая неграмотность — это прорыв на культурном фронте.

Просветительное значение музейного Петергофа разнообразно. Творческий гений лучших европейских художников — архитекторов, садоводов, живописцев — спроектировал на финском болоте великолепный парк с фонтанами и дворцами. Тяжелый труд многочисленных безымянных исполнителей претворил эти проекты в действительность. Но недостаточно удивляться мастерству, вложенному в художественные произведения: необходимо осмыслить служение художников интересам господствовавшего класса. Нигде более отчетливо не выступает эта служебная роль искусства, как в создании и украшении царских дворцов. Еще более значительны те моменты в прошлой жизни Петергофа, которые разры-

вают узкие рамки царского быта и вводят нас в сложность и многообразие политической и экономической жизни страны; и эти моменты не исключение, а правило. За великолепием дворцового строительства, за нарочитой пышностью и мишурным блеском придворного быта то и дело прощупывается неприглядная действительность и жестокая классовая природа крепостнического государства.

Петергоф в целом служит прекрасной иллюстрацией к двухвековой истории „императорской“ России. Дворцы-музеи — это не только овеществленная история монархии, это зеркало, отразившее в себе историю господствовавшего в царской России класса. Командующая роль на всем протяжении двух веков принадлежала дворянству, и романовская монархия была правительством дворян-крепостников. Однако, за двести лет в экономике России и в политической организации дворянства произошли значительные перемены, влиявшие на характер самодержавия, а истории монархии сопутствовала история дворцового строительства и быта.

Восемнадцатый век в России был эпохой роста торгового капитала и расцвета крепостничества. Прикрепление крестьян к земле произошло еще в XVII веке. При Петре I расширилась иностранная торговля России, которая могла вывозить лишь земледельческие продукты. Крепостническое государство окончательно сложилось в начале XVIII века в виде империи Петра I — централизованной на европейский манер самодержавной власти с бюрократическим аппаратом, с постоянной армией, с системой денежных налогов.

Расцвету торгового капитала при Петре I соответствовало в дворцовом строительстве увлечение буржуаз-

ной Голландией, нашедшее выражение в некоторых чертах построенного Петром петергофского Монплезира. Но торговый капитал был только опорой для бюрократической монархии, бравшей за образец французский абсолютизм, а вместе с ним дворцовое строительство и быт французского королевского двора. В истории Петергофа это можно проследить на том же Монплезире, а еще ярче на Большом дворце, служившем центром парадной жизни двора на всем протяжении двухсотлетия от Петра I до Николая II, но особенной роскоши достигшем во второй половине XVIII века, в эпоху расцвета крепостнической монархии.

Уже в конце XVIII столетия на безоблачном доселе небе дворянского благополучия появились зловещие тучи. Пугачевское восстание, всколыхнув крестьянские и казачьи трудовые массы восточной России, грозило распространиться еще шире и захлестнуть дворянскую империю. Отголоски французской революции, прокатившись по всей Европе, заставили и русских крепостников дрожать за свое существование. Эта двойная опасность послужила толчком к еще большему усилению бюрократически-полицейского режима, к еще большему усилению гнета трудовой массы. Ответом явились новые крестьянские волнения, которые то слабея, то усиливаясь, вовсе уже не прекращались.

С начала XIX века рядом с торговым капиталом развивается промышленный капитал, интересы которого противоречат интересам торгового капитала и дворянского землевладения. Но это соперничество дворянства и буржуазии между собой оказалось слабей, чем противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Выступление на историческую сцену рабочего класса еще больше

усилило союз дворянства и буржуазии против подымавшейся снизу рабоче-крестьянской революции. Этому союзу соответствовало постепенное превращение дворянской монархии в дворянско-буржуазную, происходившее очень медленно и не закончившееся вплоть до 1917 года. Но буржуазная культура в своем победоносном шествии захватывала даже такой консервативный участок, как царский быт. Петергофская Александрия (дворцы Романовых от Николая I до Николая II) и является свидетельством смены дворянской материальной культуры буржуазной культурой, а вместе с тем памятником, отразившим борьбу царизма с революционным движением.

Наряду с замкнутостью и буржуазностью Александрии, как личного царского жилища, Большой дворец продолжал вплоть до Николая II служить для целей официального представительства, цеплявшегося за традиции XVIII века. Но для изучения истории царизма, а в частности для раскрытия социально-политического смысла парадного царского быта, — бóльший интерес представляет Большой дворец в XVIII веке.

Остается ответить на вопрос, стоит ли внимания эта далекая эпоха и ее памятники со стороны не только специалистов-историков, но и широких масс экскурсантов? Этот вопрос вызывает гораздо меньше сомнений в отношении поздних памятников царского быта, ибо стоит в непосредственной связи с изучением революционного движения, с естественным желанием узнать, как боролось самодержавие и чем оно защищалось против надвигавшейся гибели. Но нельзя пренебрегать и более ранней эпохой, ибо в противном случае многое в предреволюционной истории царизма останется непонятным. В частности, в XVIII веке следует искать корни той военно-

полицейской организации царизма, которая дожила до 1917 года. Именно тогда была разработана сложная система эксплуататорской государственной машины; чиновничество, армия и церковь особенно отчетливо были сделаны орудиями классового угнетения, наука и искусство были призваны безоговорочно обслуживать и перевозносить командовавший класс. Именно в XVIII веке отчетливо оформилась хищническая завоевательная политика, плата народной кровью за прибыли господствовавшего класса. И тогда же величественное и, казалось, вечное здание дворянского государства зашаталось под напором объединенных пугачевским восстанием народных масс.

*Количество иностранных кораблей,
посетивших Петербург и Архангельск:*

	<i>Петербург</i>	<i>Архангельск</i>
<i>1713 г.</i>	<i>1</i>	<i>31</i>
<i>1718 г.</i>	<i>54</i>	<i>28</i>
<i>1724 г.</i>	<i>180</i>	<i>7</i>

*„Имея надежду на бога, желаем
получить прибыль“.*

Надпись на медали, выбитой в честь
первого иностранного корабля, посе-
тившего Петербург (1713 г.).

Возникновение Петергофа

Упорное стремление московского государства к Балтийскому морю завершилось успехом в начале XVIII века. Успех торгового капитала послужил основанием для укрепления дворянского государства, превращения его в „российскую империю“, возведения его „в ранг европейской державы“. Поэтому пере-страивавшаяся по европейскому образцу самодержавная власть, в лице первого императора, энергично насаждала „коммерцию и мануфактуры“. Поэтому Петр I считал торговлю „верховной обладательницей судьбины человеческого рода“, а „принадлежать к ней“ признавал делом „достойным самых высочайших делов“. Но чтобы действительно „принадлежать“ к торговле, необходимо было связаться с Западом более удобным торговым путем. Война со Швецией, длившаяся свыше двадцати лет, и была борьбой за обладание берегами Балтийского

моря, за новые гавани, за увеличение торгового барыша больше чем вдвое в сравнении с прежними доходами, когда торговля шла окружным путем через Архангельск.¹

Еще задолго до формального окончания войны, в 1721 году закрепившего за Россией „в совершенное непрекословное вечное владение и собственность от короны Свейской завоеванные провинции“, ² Петр после взятия Шлиссельбурга настолько твердо укрепился в Прибалтике, что приступил к сооружению в устье Невы портового города, скоро получившего значение новой столицы. А для защиты его с моря в том же 1703 году была заложена на острове крепость. Первой причиной, определившей место будущего Петергофа, было его расположение на пути частых царских путешествий в строящийся Кронштадт; осенняя и зимняя погода заставляла большую часть пути проделывать берегом и по возможности сокращать передвижение по заливу. Но не будь других причин, Петергоф не мог бы разрастись до размеров царской резиденции, а остался бы одним из тех многочисленных „попутных“ домиков, которые редко существовали дольше нескольких десятков лет.

Экономические последствия Северной войны обусловили новую политическую роль России, включили ее в круг политической жизни Западной Европы. Новая империя, чтобы справиться с новыми задачами и поддержать свой престиж, должна была не

¹ См. „Карту торговых путей“.

² Ништадтский мирной трактат.

только перестроить свою государственную организацию, но и найти показные формы своего приобщения к западной культуре. Почти одновременно с постройкой Петербурга возникает и на его территории и вблизи целый ряд парадных резиденций, среди которых особенно показная, особенно агитационная роль выпала на долю Петергофа ¹. Из заграницы выписывались лучшие мастера разных специальностей для планировки парков, устройства фонтанов, сооружения дворцов. Царские послы были загружены поручениями по скупке художественных произведений и бытовых вещей для убранства новых царских жилищ. В Петергофе была устроена первая в России картинная галерея. И Петр принимал здесь русских и иностранных гостей, чтобы продемонстрировать перед ними экономическое и культурное благополучие новой империи.

Это благополучие оказалось в значительной мере только показным. „Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства“ ² Насильственное насаждение „коммерции“ не в силах было скрыть слабости русского торгового капитала, который не мог соперничать с западно-европейским конкурентом и еще не раз должен был отходить перед ним на второй план. Возведение России в „ранг европейской державы“ было достигнуто ценой разорения страны. После смерти Пе-

¹ См. гравюру „Петербург и его окрестности“.

² Ленин, т. XXII, стр. 517.

тра, „по рассуждении о нынешнем состоянии всероссийского государства“ оказалось, что „едва ли не все дела в худом порядке находятся... крестьянство в великой скудости обретается, в крайнее и всеконечное разорение приходит... купечество едва не вовсе ли разорено... на монетных дворах капитала денежного никакого нет... армия и фортификация в великой неисправности“¹. А как еще далеко было Петру до версальской „культуры“ видно из наивного заверения одного из ближайших его сотрудников: „Многие в Европе коронованные главы не точию в союз с Петром монархом нашим идут доброхотно; но и десная его величеству давати не имеют за бесчестие“².

*„В Питергофе полатки сделать,
также канал до моря выкопать;
а буде трудно будет всю землю вы-
носить, то только с того с канала
землю выкопать и камнем диким
выкласть“.*

Указ Петра I о постройке Большого дворца в Петергофе, 1715 г.

Дворцовое строительство

Первая петергофская постройка, называвшаяся „светлицами“, возникла, вероятно, вскоре после основания Петербурга, но существовала только до конца XVIII в.

¹ Докладная записка членов Верховного Тайного Совета Екатерине I, 1726 год.

² Феофан Прокопович „Слово похвальное“, 1715 год.